ПЛОВДИВСКИ УНИВЕРСИТЕТ „ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ“ – БЪЛГАРИЯ
НАУЧНИ ТРУДОВЕ, ТОМ 63, КН. 1, СБ. В, 2025 – ФИЛОЛОГИЯ,
PAISII HILENDARSKI UNIVERSITY OF PLOVDIV – BULGARIA
RESEARCH PAPERS, VOL. 63, BOOK 1, PART C, 2025 – LANGUAGES AND LITERATURE

DOI 10.69085/ntf2026c052

УКРАИНСКО-БОЛГАРСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО

Людмила Ромащенко
Приазовский государственный технический университет

UKRAINIAN-BULGARIAN PAGES OF THE LIFE AND WORK OF KONSTIANTYN PAUSTOVSKY

Lyudmyla Romashchenko
Priazovsky State Technical University

lirom5@ukr.net

The article examines Ukrainian–Bulgarian cultural and historical relations within a broad diachronic framework. Special attention is given to the role of prominent figures of Ukrainian culture in Bulgaria, particularly Mykhailo Drahomanov and Lesya Ukrainka. A central focus of the study is the analysis of the Bulgarian theme in the life and works of Konstantin Paustovsky. Drawing on his autobiographical prose and the cycle of essays *Bulgarian Encounters*, especially the essay “Picturesque Bulgaria”, the article demonstrates how the writer’s personal biography, his Ukrainian roots, and his family mythology, associated with Kazanlak and the Rose Valley, shaped his perception of Bulgaria. The study highlights the synthesis of artistic and philosophical elements in Paustovsky’s Bulgarian essays, as well as his attention to historical memory, folk culture, and landscape.

Key words: Ukrainian–Bulgarian cultural relations; Konstantin Paustovsky; Bulgarian theme; cultural memory; autobiographical prose; national identity

Выбранная тема не случайна. Ведь украинско-болгарские связи имеют долгую историю, уходящую в глубь веков.

Считается, что могила древнеболгарского хана Кубрата находится недалеко от села Малое Перещепино (в 13 км от Полтавы), где в 1912 году был найден знаменитый клад, крупнейший в Восточной Европе IV – VIII веков (набор золотых и серебряных предметов весом

около 75 кг: оружие, украшения, посуда, монеты). Ученые считают, что это богатство когда-то принадлежало Кубрату, хану Великой Болгарии, в состав которой в VII веке н.э. входила и часть территории современной Украины. У этого могильного кургана, начиная с 2001 года, зародилась традиция собирать болгар со всего мира. Именно тогда на полтавской земле состоялся первый Болгарский собор.

Вспомним славянских просветителей, создателей кириллической азбуки, первых переводчиков богослужебных книг Кирилла и Мефодия.

После основания Высшей школы в Болгарии в это учебное заведение, реорганизованное позже в университет (ныне это Софийский университет им. Св. Климента Охридского), пригласили нескольких известных европейских ученых, среди которых и Михаил Драгоманов, который тогда проживал в Женеве. Ему даже предложили стать ректором Высшей школы, но он отказался, считая, что такую должность следует занимать болгарину. В Софии украинский ученый читал курс истории, участвовал в разработке учебных планов Высшей школы, работал над созданием научной библиотеки, регулярно выступал в периодических изданиях «Свободно слово» и «Български преглед».

М. Драгоманов способствовал развитию молодой болгарской науки. Последнюю лекцию он прочитал в день смерти – 20 июня 1895 г. Тогда известный деятель болгарского социалистического движения Димитр Благоев написал:

> Начало двух последних месяцев совпало в Болгарии со смертью двух славных борцов за свободу и образование (речь о писателе Петко Славейкове). Умер профессор Высшей школы, русский эмигрант и борец за свободу Михаил Петрович Драгоманов... Покойный занимал кафедру истории, он был гордостью Школы и потому утрата эта весьма ощутима для нее.
>
> (Жуківський 2005)

В Софии на центральном кладбище М. Драгоманов похоронен[1]. Его дочь Лидия – украинская и болгарская писательница, журналистка, переводчица, чья деятельность способствовала развитию и укреплению украинско-болгарских отношений, – также похоронена в Софии.

[1] Рядом с могилой архитектора Михаила Паращука – автора памятника на могиле М. Драгоманова в Софии. Ему принадлежит художественное оформление таких домов, как Народный банк, Судебная палата, Министерство обороны, ректорат университета им. Климента Охридского, Академия наук, Оперный театр и др. Он создал также ряд декоративных скульптур для построек болгарской столицы.

Лидия вышла замуж за болгарина Ивана Шишманова (известный болгарский ученый, первый болгарский украинист, профессор Софийского университета, дипломат).

Михаил Драгоманов – дядя известной украинской писательницы Леси Украинки, которая гостила у него в Болгарии больше года (с 1 июня 1894 по 1 августа 1895 гг.), писала свои произведения, в частности цикл «Невольничих пісень» («Невольничьих песен»). Так под влиянием пребывания в Софии было написано стихотворение «До товаришів» («К товарищам»), обозначенное «политическим радикализмом», сформированным, по мнению исследователей, благодаря Драгоманову:

> О, не забуду я тих днів на чужині,
> Чужої й рідної для мене хати,
> Де часто так приходилось мені
> Пекучу, гірку правду вислухати.
>
> (Леся Українка 1975: 126)

В пригороде болгарской столицы Владае, на берегу Владайской реки, Леся любила отдыхать. В память о пребывании поэтессы в Болгарии, в сквере, что носит ее имя, установлен памятный камень (напротив места, где был дом, в котором она жила вместе со своей двоюродной сестрой Лидией и ее мужем Иваном Шишмановым).

В Софии Леся работала в библиотеке. Изучала, в частности, материалы по истории раннего христианства (этой теме посвящен ряд ее драм). Хотя сам город ее не очень впечатлил, она видит в нем сходство с украинскими губернскими городами:

> Сама София имеет вид обычного, так сказать, нашего губернского города, только что княжеский дворец вместо губернаторского дома и министерства вместо всяких «присутствий».
>
> (Агеєва 2021)[2].

В 2016 году вышел сборник исторических очерков об историческом пути Украины и Болгарии «Сестра моя, София». Составители отмечают, что такое название по ряду причин. Во-первых, София – столица Болгарии, страны, очень близкой нам, но, к сожалению, еще до сих пор недостаточно известной. Во-вторых, София – главный христианский храм Древней Руси, памятник мирового значения, как греческий

[2] В Болгарии действует СУОБ «Мати Украйна» (Союз украинских организаций Болгарии), который объединяет наших соотечественников в этой стране. С председателем Союза Еленой Коцевой удалось наладить контакт.

Парфенон или римский Колизей (историю строительства этого древнерусского тысячелетнего храма художественно воссоздает П. Загребельный в романе «Диво»). В-третьих, София – это мудрость, и именно эта мудрость в сочетании с силой духа, достоинством, чувством национальной идентичности дала силу и болгарам (Сюндюков 2018).

Это лишь фрагментарно обозначены украинско-болгарские точки соприкосновения, что проявились и в жизнетворчестве К. Паустовского.

Константин Паустовский – известный русский писатель, номинант на Нобелевскую премию – посетил многие страны: Болгарию, Польшу, Италию, Францию, Англию, Турцию. Его творчество известно в мире. В жилах К. Паустовского текла украинская, польская и турецкая кровь, его предки исповедовали три религии – православную, католическую и ислам. Именно эти факторы обусловили широту его взглядов и неприятие национальной или религиозной ограниченности. И, наконец, его жизнь и творчество связаны с Украиной, в том числе Черкасчиной – родиной Т. Шевченко. Предоставим слово писателю:

> Я вырос на Украине. Я глубоко люблю и уважаю украинский народ и его культуру. Достаточно прочесть мои повести и рассказы, такие, как «Тарас Шевченко», «Далекие годы», «Поводырь», «Днепровские кручи», «Синева», «Александр Довженко» и ряд других моих высказываний, чтобы убедиться в этом.
>
> (Ромащенко 2014: 47)

В предисловии к украинскому изданию «Золотой розы» К. Паустовский писал:

> В книгах почти каждого писателя просвечивается, как сквозь лёгкую солнечную дымку, образ родного края с его бескрайним небом и тишиной полей, с его задумчивыми лесами и языком народа. Мне в общем-то повезло. Я вырос на Украине. Её лиризму я благодарен многими сторонами своей прозы. Образ Украины я носил в своем сердце на протяжении многих лет…
>
> (Левицкая 2025)

Паустовский родился в Москве, учился в Киеве, а на праздники и каникулы приезжал в Городище (под Белой Церковью) и Черкассы. По свидетельству сына писателя Вадима,

> сам Константин Паустовский считал, что у него было как бы две родины. Одна, край отцов – Отчизна, – в сердце Украины, на берегах реки Рось. Другая – в глубине России, на Рязанщине, где река Ока делает большую излучину, огибая Мещорскую низменность. Этот край

> писатель так и называл – «Вторая Родина». И обе родины были связаны с реками – украинской и русской.
>
> (Паустовский 1992: 520).

Украина для Паустовского стала навеки родной. В его произведениях предстают живописные пейзажи разных регионов Украины: Киев, Городище, Черкассы, Одесса, Черноморское побережье. В Черкассах прошли детские годы мальчика, чьи родовые корни – от украинского гетмана Сагайдачного, о котором в семье, как вспоминает сам писатель, сохранились ценные реликвии – «Универсал» и печать.

В повести «Далекие годы», в которой речь идет преимущественно о киевском периоде жизни Паустовского[3], автор с документальной точностью повествует о нынешней столице Украины начала XX века. С необычной теплотой и нежностью писатель отзывается также о Черкассах – городе его детства. По признанию самого писателя, поездки в Черкассы (часто это были увлекательные путешествия на пароходе по Днепру) к бабушке и многочисленным тетушкам (одна из них была начальницей женской гимназии) стали для него настоящими праздниками. В определенном смысле Черкассы даже противопоставляются Киеву:

> Поездки в Черкассы и Городище были в моем детстве праздниками, а будни начинались в Киеве, на Святославской улице, где в сумрачной и неуютной квартире проходили длинные зимы.
>
> (Паустовский 1992: 35)

Бабушка писателя Викентия Ивановна Высочанская, полька по происхождению, очень любила цветы и деревья. Цветы росли не только в саду, но и были неотъемлемой частью интерьера бабушкиного дома в Черкассах, расположенного на высоком живописном берегу Днепра. Костика больше всего восхищали розовые олеандры в зеленых бочках на галерее дома – символ необычного, экзотического. Это бабушкино хобби сыграло важную роль в формировании будущего писателя:

> Бабушкин сад и все эти цветы с необыкновенной силой действовали на мое воображение. Должно быть, в этом саду и родилось мое пристрастие к путешествиям.
>
> (Паустовский 1992: 24).

Прадед писателя Паустовский-Сагайдачный поселился в Городище в конце XVIII века, после роспуска запорожского войска. Ему было пожаловано дворянское звание, возможно, за боевые заслуги. Эта

[3] Именно поэтому в 2013 году в одной из киевских школ (№135) открыт музей Паустовского.

фамилия, имеющая польское звучание, унаследована (предполагает сын писателя), вероятно, от какого-то старшины реестрового казачества. Вадим Константинович заметил казацкие черты во внешнем облике отца и его характере:

> Константин Паустовский был невысок, мускулист, клещеног, с очень развитым торсом и плечевым поясом. Такая фигура как бы самим отбором приспособлена к длительному пребыванию в седле, умелому владению саблей и пикой… Выработанную у себя железную настойчивость, даже жесткость, он умело сочетал с простотой общения и неизменной тактичностью. Не раз доказывал, что умеет не теряться под стволами винтовок, но мог пасовать перед женскими капризами и своеволием.
>
> (Паустовский 1992: 530)

И еще одну черту унаследовал писатель от своих далеких предков-казаков – поэтичность, готовность следовать своей мечте: как бы не складывалась реальная жизнь казака, он не хотел быть подневольным, стремился сам быть хозяином своей судьбы.

Лиричность натуры Костика подпитывал дедушка Максим Григорьевич. Он пел внуку казацкие песни, рассказывал о своем участии в турецкой войне, где попал в плен, откуда, из города Казанлык во Фракии, привез красавицу-турчанку Фатьму, принявшую христианство и новое имя – Гонората. Хотя, по мнению некоторых исследователей, – это лишь семейное мифотворчество: дед будущего писателя Максим Дмитриевич (а не Григорьевич, как в повести) умер за тридцать лет до рождения Костика и действительно обвенчался с Гоноратой, но не турчанкой, а дочерью дворянина Викентия Витушинского.

Однако читатель нисколько не сомневается в общении мальчика со своим легендарным дедом, уже не имевшим никакого дворянства: будучи крестьянином, ходил вместе с чумаками за солью (Паустовский посвятил дедушке свои юношеские стихи: «Мой дед был тих и кроток. Степью синей/ Возил он хлеб к Азовским берегам...»). Дедушка любил петь казацкие и чумацкие песни, что навевали на Костика непонятную грусть, и рассказывал разные истории, из которых мальчику больше всего нравилась история о трагической любви кузнеца-лирника Остапа, символом которой являлась выкованная из металла необычайная роза.

В повести «Далекие годы», что считается художественной биографией автора, читаем:

> Я не знаю, видели ли вы когда-нибудь украинскую лиру. Сейчас, должно быть, ее можно найти только в музее. Но в те времена не только на базарах в маленьких городках, но и на улицах самого Киева

> часто встречались слепцы-лирники… Я помню одного лирника в городе Черкассах[4]. «Киньте грошик, – говорил он, – слепцу и хлопчику, потому что без того хлопчика слепец заплутается и не найдет дорогу после своей кончины в божий рай». Я не помню ни одного базара, где бы не было лирника... Представление о лирниках навсегда связалось у меня с памятью об украинских базарах – ранних базарах, когда роса еще блестит на траве. Холодные тени лежат поперек пыльных дорог и синеватый дым струится над землей, уже освещенной солнцем.
>
> Запотевшие кувшины – глечики – с ледяным молоком, мокрые бархатцы в ведрах с водой, гречишный мед в макотрах, горячие ватрушки с изюмом, решета с вишнями, запах тарани, ленивый церковный перезвон, стремительные перебранки баб-«покотух» кружевные зонтики молодых провинциальных щеголих и внезапный гром медного котла – его тащил на плечах какой-нибудь румын с дикими глазами. Все «дядьки» считали своей обязанностью постучать по котлу кнутовищем, попробовать, хороша ли румынская медь.
>
> (Паустовский 1992: 10 – 11).

Возможно, благодаря рассказам дедушки, в автобиографические произведения Паустовского перешла мощная украиноязычная стихия –

---

[4] Вполне закономерно, что именно в Черкассах, Черкасском национальном университете им. Б. Хмельницкого, действовал Клуб Паустовского (его неизменный руководитель И. З. Тарасинская). Участники Клуба более 30 лет изучали и популяризовали наследие писателя, путешествовали его тропами. Во время одной из поездок, на торжествах по случаю открытия дома-музея К. Г. Паустовского в Тарусе, на скромную могилу на тарусском кладбище легли привезенные из Черкасс букеты нежных ромашек, которые так любил писатель. Эти белоснежные цветы невероятно растрогали присутствующих – ведь это цветы из его далекого детства... Журналистка Г. Плущевская позже напишет в тарусской газете «Октябрь» (2012, 6 июня): «Всех взволновал букетик ромашек, привезенных Константину Георгиевичу с далекой Черкасщины, с родины его детства, украинской делегацией. Наши украинские гости несколько дней берегли эти цветы – в поезде, и затем на конференции в Москве, чтобы довезти их свежими и красивыми к дорогой могиле. Спасибо, сердечное спасибо, дорогие черкассовцы и киевляне, за любовь к Константину Георгиевичу – за нашу общую с вами любовь!»

Своеобразным гимном Клуба стала песня, впервые прозвучавшая в Тарусе, на открытии дома-музея писателя. В ней идет речь о любви писателя к Украине:

> *Він так любив цю землю, / Багату й неповторну... / І Київ, і Черкаси, / І Городище, й Сміла – / Це світ його дитячий, / Земля, добром зігріта. / Десь тут сліди лишились/ Його життєвих мандрів. / Цвітуть на Україні / Рожеві олеандри.*

Участники Клуба К. Паустовского побывали и в Болгарии, которую в свое время посетил писатель.

многочисленные украинизмы (как у Гоголя или в романе В. Шукшина «Я пришел дать вам волю»): «гребля», «хлопчик», «мабудь». Некоторые из них автор сам объясняет: «чулан – камора», «чертополох – будяк», «кувшины – глечики» і т. д.

Дед Максим Григорьевич был полной противоположностью своей жене-турчанке, поэтому едва уживался с ней, вынужден был прятаться. Не отставали от него и внуки:

> Бабушку-турчанку мы боялись не меньше, чем дед, и старались не попадаться ей на глаза.
>
> (Паустовский 1992: 10).

Виной всему – крутой нрав бабушки:

> Ее турецкая кровь не дала ей ни одной привлекательной черты, кроме красивой, но грозной наружности.
>
> Бабка была деспотична, придирчива. Она выкуривала в день не меньше фунта крепчайшего черного табака. Курила она его в коротких раскаленных трубках. Она ведала хозяйством. Ее черный глаз замечал малейший непорядок в доме.
>
> По праздникам она надевала атласное платье, отороченное черными кружевами, выходила из дому, садилась на завалинку, дымила трубкой и смотрела на быструю реку Рось. Изредка она громко смеялась своим мыслям, но никто не решался спросить ее, чему она смеется.
>
> (Паустовский 1992: 13)

Читатель может лишь домыслить, что вызывало смех у женщины: возможно, она вспоминала какие-то смешные эпизоды ее далекого детства у южных склонов хребта Стара-Планина, реку Ту́нджу, что течет по Казанлыкской долине на бывшей родине, с которой ее разлучили…

И все же в отношениях с бабушкой (не таких доверительных, как с дедом) было одно обстоятельство, что делало ее образ более привлекательным. Она изредка извлекала из комода похожий на мыло розовый брусок, источавший тончайший запах роз, и с гордым видом разрешала детям его понюхать. Костика волновало это благовоние. Из рассказов отца мальчик узнал, что родной город бабки – Казанлык, а вокруг него раскинулась Долина роз, где добывают розовое масло, и пахнущий брусок пропитанный этим маслом (как известно, роза является одним из символов Болгарии):

> Долина роз! Самые эти слова меня волновали. Я не понимал, как в таких поэтических местах мог появиться человек с такой суровой душой, как у моей бабки.
>
> (Паустовский 1992: 13)

Возможно, и эти детские воспоминания побудили неутомимого писателя-романтика прикоснуться к истокам своего рода – по приглашению коллег К. Паустовский посетил Болгарию в 1959 году. В путешествиях страной его сопровождали болгарские писатели Ангел Каралийчев, Станислав Сивриев, Славче Чернышев, Серафим Северняк, Лада Галина, Веселин Андреев.

Свои впечатления автор выразил в цикле очерков «Болгарские встречи». Эта серия – не просто дорожные заметки, а глубокие философские размышления о судьбе болгарского народа, его многовековой истории и культуре, традициях и быте. В этих очерках возникает живописный образ Болгарии сквозь призму ее драматического прошлого, культуры, природы. Писатель-гуманист показывает духовное родство славянских народов. Произведения серии – своеобразный литературный долг, отданный Паустовским коллегам-писателям и всему болгарскому народу.

«Живописная Болгария» – один из центральных текстов цикла, описывающего природу, прошлое, быт, атмосферу болгарских городов.

Уже само название очерка программирует тон рассказа: писатель стремится передать читателю живописность (в буквальном смысле) балканской страны. Автор с любовью и мастерством живописца изображает пейзажи: горные массивы, поросшие зеленью, долины с рекой, игру света в утренней дымке. Болгария у Паустовского – это не просто страна, а картина, написанная яркими красками, в которой сочетаются тепло солнца, аромат трав и дыхание древности:

> … я увидел страну – поразительно живописную и разнообразную по своим ландшафтам – в такой ясности осеннего воздуха, что издалека был заметен каждый высохший лист винограда, окрашенный в побледневшее золото или темную киноварь и пронизанный спокойным солнцем.
>
> (Паустовский 2021)

Одним из ключевых художественных приемов автора является сочетание зрительных, звуковых, тактильных и даже вкусовых образов (тёплый свет, «который словно лился с небес, как мёд»), что позволяет читателю не просто видеть Болгарию, но и чувствовать ее. Не зря этот очерк начинается с лингвистических объяснений автора слова «шума»:

> «Шумой» по-болгарски называется листва. На примере этого слова становится заметным совпадение смысла слова с его звучанием. Явление это в жизни любого языка встречается не так уж часто. Листва, действительно, почти все время шумит. Весной и летом она шумно трепещет от ветра, а осенью собирается в кучи и трещит под ногами. Я

> упоминаю об этом потому, что приехал в Болгарию в разгар осеннего «шума», в пышную «цыганскую осень»...
>
> (Паустовский 2021)

Внимание писателя привлекают детали быта болгар после завершения периода уборки урожая:

> На полях кое-где еще снимали хлопок, но уже гудели по селам людные базары, круторогие волы с синими, как море, глазами свозили последнюю ботву, женщины пряли на порогах, сельские читалища – читальни – были переполнены посетителями – детьми и молодежью, жарилась на черепицах рыба, бубны с колокольчиками буйно звенели за стенами крестьянских домов – начиналось время осенних свадеб.
>
> (Паустовский 2021)

Это упоминание о базарах, как непременном атрибуте болгарского быта, вызывает ассоциации с приведенным выше описанием украинских базаров в повести К. Паустовского «Далекие годы».

Как известно, сезон свадеб в Украине тоже начинался по окончанию полевых работ. И, наконец, круторогие волы во времена украинского детства Паустовского также были непременным признаком крестьянского быта, как и женщины с прялкой.

Но есть, конечно, и отличия в быте украинцев и болгар. В хозяйстве болгарского крестьянина привычными и незаменимыми животными являются ослики, с нежностью, «очеловеченно» изображены автором:

> Ослики трудолюбивы и трогательны. Они старательно идут по обочинам дорог, моргают длинными детскими ресницами и задумчиво хлопают пыльными ушами. В горах на Старой планине мы встречали шеренги осликов, нагруженных дровами. Они шли совершенно одни, без погонщиков, повинуясь переднему ослу, не останавливаясь без нужды и даже не пытаясь пощипать траву. Они были «при деле» и относились к своему делу вполне добросовестно.
>
> (Паустовский 2021)

В то время как для украинского крестьянина (и вообще для украинцев) ослик – скорее экзотическое животное.

Далее авторское внимание фокусируется на исторических деталях. Болгария, как и Украина, была «дорогой народов», местом их длительных стоянок, что оставило след от богатых и разнообразных культур. Но часто эти следы скрыты под столетними наслоениями.

Паустовский рассказывает, как его поразила картина в найденной фракийской гробнице возле Казанлыка (как упоминалось, это родной город его бабушки). Увиденное полотно, по убеждению писателя, рав-

ноценно картинам выдающихся мастеров эпохи Возрождения, его создатель опережал время: в нем можно заметить несколько художественных течений, появившихся на несколько столетий позже:

> На фреске изображена тонкая женщина с прекрасным и бледным лицом. Она сидит в кресле, а рядом с ней, в другом кресле, – прислоненный к спинке, почерневший труп ее мужа. Она держит его за руку, и эти две сплетенные до локтей руки производят потрясающее впечатление. Ее рука полна нежнейшей жизни, она просвечивает легкой розоватостью кожи, а его рука черна, как обугленная на костре виноградная лоза.
>
> В глазах у женщины – любовь и ужас. Позади кресел стоят высокие и тонкие лошади с тревожными глазами… Это была изображена, как объяснили мне, особая, сейчас уже не существующая порода «фракийских лошадей».
>
> (Паустовский 2021)

Вероятно, художник таким символическим способом передал дихотомию Жизнь – не Жизнь. А может быть, – это символ любви, которую не способна убить неумолимая смерть. Этот поразительный контраст живой красоты и смерти настолько поразил К. Паустовского, что он детально описал фреску в очерке почти как литературный образ, а не археологический артефакт[5].

Паустовский подробно, с усердием очевидца описывает города, где ему удалось побывать. Прежде всего – Тырново. Его поразила архитектура города, вызывающая чувство ирреальности:

> Как будто давным-давно здесь играли старинную пьесу, потом автор, актеры и зрители умерли, а декорации сказочного города остались. Они повисли над отвесным извилистым ущельем реки Янтры и висят так уже века, выцветая на солнце. Тырново – это дома, легко взнесенные один над другим среди обрывов и пропастей, это мосты, неожиданно перелетающие через реку из тоннеля в тоннель, это рыцарские башни, караван-сараи, великолепный музей, остатки древних колонн с надписями, монастыри с богатой росписью, предместье Арбанаси, где старые дома грознее крепостей. Двери этих домов так густо, ряд к ряду, обиты гвоздями с большими шляпками, что при нападении никаким топором нельзя было расщепить такую дверь. Можно было

[5] Судя по описанию, это фреска под названием «Прощание супругов» (или сцена погребального (поминального) пира фракийского аристократа: мужчина и женщина, сидящие в кресле за столом среди свиты, музыкантов и слуг, составляют центральную композицию в куполе погребальной камеры. Эти фрески считаются лучшим сохранившимся примером эллинистической живописи на Балканах.

> только сломать топор. Тырново – это причудливые очаги в домах, выступающие этажи, деревянные решетки на окнах.., столовые горы со всех сторон горизонта. Это пригородные корчмы, где пьют «червоне» вино, которое не уступает рейнвейну, закусывают его сыром и поют монотонные песни.
>
> (Паустовский 2021)

Не менее подробно автор воссоздает и художественный образ Несебра, вид которого ассоциируется с несуществующими городами А. Грина:

> … я не очень верил, что в мире есть такие гриновские города. Я только хотел, чтобы они были и своей живописностью украшали и облегчали существование людей.
>
> Несебр – это каменный небольшой остров. Он, правда, соединен с материком дамбой. В тихую погоду в заливе около дамбы плавают сотни медуз, и видно, как по дну озабоченно ползают крабы, прячась за жестянки от консервов и ржавые сплющенные бидоны. Весь Несебр можно обойти за час. Он начинается крутым въездом с полуразрушенными крепостными воротами и крепостными стенами. Пожалуй, лучше всего можно составить представление о Несебре, если выбрать небольшую часть пейзажа, хотя бы кусок той же крепостной стены, и тщательно рассмотреть его… Прежде всего, вы заметите в крепостной стене замурованные арки со сложным орнаментом. Он выложен из тонкого византийского кирпича. Ясно, что раньше здесь была византийская базилика, но потом ее использовали как часть крепостной стены. Все дома Несебра увешаны, как елки увешивают разноцветными бумажными цепями, гирляндами вяленой рыбы – скумбрии, заргана (иглы-рыбы) и сафрида. В Несебре вторые этажи домов выступают над первыми и поддерживаются дубовыми подпорками – эркерами. Улицы в Несебре узкие. Все это сделано потому, что остров маленький и городу некуда расти.
>
> (Паустовский 2021)

Синее, прозрачное море, окружающее Несебр со всех сторон, над которым парят, словно в танце, буревестники, вызывает ассоциации с «Песней о буревестнике» М. Горького.

Паустовский был восхищен и другими болгарскими городами, ему удалось увидеть достопримечательности, ставшие визитной карточкой Болгарии: теснины Рыльского монастыря, нарядную вершину Витоша и раскинутую у ее подножья Софию, Долину роз и мощные кряжи Старой Планины, грозную заснеженную Шипку и рыбачий порт Созопол.

Вот одно из его впечатлений, зафиксированное в открытом письме «Товарищам – писателям Болгарии» («Новый мир», 1982, № 7):

> Я видел удивительный, почти неправдоподобный по своей топографии Пловдив, где среди равнинных улиц подымались острые каменные вершины, бурную Марицу, далекое видение закутанных грозами Родопских гор, мавзолей Димитрова, излучающий спокойный свет, огромные чаши новых озер, созданных человеком.
>
> (Паустовский 1982)

Особенно впечатлил писателя золотой аттический клад, увиденный в музее Пловдива. Его нашли братья-землекопы Дейковы: они случайно наткнулись на золотую скульптуру редчайшей красоты и ценности – творение эллинских мастеров. Паустовский реюмирует:

> Вот так же, подобно этому кладу, впервые предстала передо мной и осенняя Болгария – страна, как бы выкованная народными мастерами из светлого золота и красной меди.
>
> (Паустовский 1982)

Автор не только погружается в прошлое Балканской страны, но и фиксирует происходящие в ней изменения. К примеру, для нынешнего читателя название Солнечный Берег неизбежно ассоциируется с изысканным отдыхом на море, комфортабельными гостиницами, роскошными видами. Но на момент визита Паустовского курорт только начал развиваться на месте пока не обжитом. Его инфраструктура была призвана приблизить человека к Природе:

> …Курорт построен на больших дюнах.., в местности недавно еще совершенно пустынной и дикой. Год назад здесь не было ни одной хижины, но зато было множество змей. Когда началось строительство курорта, то со всей Болгарии привезли сюда несколько вагонов ежей, выпустили их, и змеи совершенно исчезли: ежи их съели за какой-нибудь месяц, не больше. Я свидетельствую, что не видел ни одной змеи. Курорт построен по образцу новейших – просторных и комфортабельных – курортов Запада.
>
> (Шабанина 2017)

Еще одна достопримечательность Болгарии, которой восхищался К. Паустовский, – старые монастыри, с расписанными фресками стенами. Особенно ему понравились фрески «великолепного художника» – примитивиста Зографа. Как известно, Захарий Христов Зограф (1810 – 1853) – один из выдающихся болгарских художников, иконо-

писцев, представитель Болгарского национального возрождения. Знаменитый своими иконами и фресками, он также нередко считается основателем болгарской светской живописи[6].

На мой взгляд, Зографа можно считать духовным братом грузинского народного художника Нико Пиросмани[7] (тоже представитель примитивного искусства), изображенного в повести К. Паустовского «Колхида» (едва ли не впервые в литературе) под именем Бечо.

Что касается литературных двойников, то Захарию соответствует иконописец Сивоок в романе П. Загребельного «Диво» – вымышленный герой, автор фресок Софии Киевской.

Вот одна из фресок, привлекшая внимание К. Паустовского:

> Я видел в одном из монастырей вблизи города Тырнова, как в низкое окно церкви проникла виноградная лоза. Листья ее пожелтели к осени. Они кое-где прикасались к фрескам Зографа, и их нельзя было отличить от светло-золотого сияния фресок. Внутри церкви висели, зацепившись за резной дубовый алтарь, большие кисти черного винограда.
>
> (Паустовский 2021)

Виноградная лоза является символом плодородия, жизни, изобилия. В христианстве она имеет глубокое религиозное значение, символизируя Христа и верующих. В украинской культуре лоза символизирует счастье и благополучие новой семьи. Изображение листья лозы или винограда можно найти на многих гербах винодельческих регионов (гербы городов Виноградов, Ужгород, Одесской и Николаевской областей).

В болгарском фольклоре часто употребляется название *лозе* в значении «виноградный куст, виноградник». Название связывается с понятием «нелегкий и ответственный труд»: «Лозето не ще молитва, ами мотика» («Винограднику нужна не молитва, а мотыга»), «Лозето не ще дядо попа, иска чичо пота» («Винограднику нужен не дедушка-поп, а дядя-пот») (Малаш 2016: 74). Название *лозе* часто функционирует в болгарских паремиях вместе с наименованием плодов растения – *грозде* «виноград (плоды)». Сравним: укр. *ґроно*, рос. *гроздь*, болг. *гронка*.

---

[6] Среди самых известных произведений Захарии Зографа – иконы церкви Константина и Елены в Пловдиве. Здесь он работал в 1836 – 1840 годах.

[7] Полотна Пиросмани члены черкасского Клуба К. Паустовского (в том числе автор этих строк), путешествуя тропами писателя, увидели в одном из батумских музеев.

Виноград – наиболее типичный представитель болгарской флоры – часто используется в болгарских паремиях в самых разных значениях. Например, в пословице «Младо лозье, кисело грозье» («Молодая лоза – кислый виноград») с виноградным кустом сравнивается молодой человек, а с плодами – его нрав (горячность, нежелание учитывать опыт старших) или же результаты его труда – не качественная работа в связи с отсутствием опыта (Малаш 2016: 74).

В народных песнях виноград может олицетворять девичью красоту: «не била лоза винена, туку ми била девойка» («то была не лоза виноградная, то была девушка»). Зеленые стебли винограда (вместе с плодами) используются для плетения свадебных венков – на здоровье, богатство и любовь: «Вило моме три зелени венци […] трето вило от църноно грозье» («Плела девушка три зеленых венка […] третий плела из черного винограда») (Малаш 2016: 74).

«Виноградная» тема, как свидетельствует уже само название, продолжается в очерке Паустовского «Виноградные холмы», где речь идет о винодельческих традициях Болгарии. Другие очерки болгарского цикла, насыщенные историческими экскурсами и художественными описаниями, лирико-философскими размышлениями, повествуют о разных сторонах жизни болгарского народа: «Велико-Тырново», «Слепой музыкант», «Старая мельница», «Девочка и роза», «София», «Звук и слово». Но это уже тема следующего разговора.

Паустовский был очарован Болгарией настолько, что хотел сюда вернуться. В цикле очерков он создает образ страны, в которой сливаются воедино красота ее природы, культура, настоящее и прошлое народа.

Литература

Агеєва 2021: Агеєва, В. *Лесині маршрути. Інтерактивна мапа місцями життя і творчості Лесі Українки.* [Ageeva, V. Lesini marshruti. Interaktivna mapa mistsyami zhittya i tvorchosti Lesi Ukraïnki.] 2021 <https://lesya-ukrainka.localhistory.org.ua> (21.10.2025)

Жуківський 2005: Жуківський, В. Михайло Драгоманов та Болгарія. [Zhukivs'kij, V. Mihajlo Dragomanov ta Bolgariya.] // *Народний Оглядач*. 6.06.2005. <https://www.ar25.org/article/myhaylo-dragomanov-ta-bolgariya.html> (21.10.2025)

Левицкая 2025: Левицкая, Н. *Великие киевляне. Константин Паустовский.* [Levitskaya, N. Velikie kievlyane. Konstantin

Paustovskij.] <https://iskova.news/velikie-kievlyane-konstantin-paustovskij-uchitsya-chuvstvovat-soperezhivat-lyubit/ukraina> (21.10.2025)

Леся Українка 1975: Леся Українка. *Зібрання творів у 12 тт.* [Lesya Ukraïnka. Zibrannya tvoriv u 12 tt.] К.: Наукова думка, 1975. Т. 1, 126 – 127.

Малаш 2016: Малаш, О. Символіка болгарських назв садово-городніх рослин у лінгвоетнокультурному аспекті. [Malash, O. Simvolika bolgars'kih nazv sadovo-gorodnih roslin u lingvoetnokul'turnomu aspekti.] // *Наукові праці. Серія: Філологія. Мовознавство*, 2016, вип. 266, т. 278, 72 – 76.

Паустовский 2021: Паустовский, К. *Живописная Болгария.* [Paustovskij, K. Zhivopisnaya Bolgariya.] <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/zhivopisnaya-bolgariya.htm> (20.01.2025)

Паустовский 1992: Паустовский, К. *Повесть о жизни.* [Paustovskij, K. Povest' o zhizni.] Москва: Современный писатель, 1992, т. 3.

Паустовский 1982: Паустовский, К. *Товарищам – писателям Болгарии.* [Paustovskij, K. Tovarishham – pisatelyam Bolgarii.] <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-320.htm> (7.01.2026)

Ромащенко 2014: Ромащенко, Л. Тарас Шевченко, українські футуристи та російські письменники. [Romashhenko, L. Taras Shevchenko, ukraïns'ki futuristi ta rosijs'ki pis'menniki.] // *Наукові записки РОКМ*, 2014, вип. XII, ч. 1, 46 – 51.

Сюндюков 2018: Сюндюков, І. «Сестра моя, Софія». [Syundyukov, I. «Sestra moya, Sofiya».] // *День,* 2018, № 235 – 236. <https://day.kyiv.ua/article/den-ukrayiny/sestra-moya-sofiya> (21.10.2025).

Шабанина 2017: Шабанина, Л. *Солнечный Берег глазами Константина Паустовского Курорт сегодня.* [Shabanina, L. Solnechnyj Bereg glazami Konstantina Paustovskogo Kurort segodnya.] // <https://lyudmila-shabanina.ru/солнечный-берег-глазами-константина> (1.10.2025)